Текст · 6 марта 2020, 07:14
Дарья Гуськова,

«А ершик-то не мылся недельку уже, ух!». Разговор оперативников угрозыска с солдатом на Камчатке

«Звуки льющейся воды, закрытие крана с водой, шаги, очевидно — по коридору», — так начинается расшифровка аудиозаписи, которую подготовил эксперт центра «Регион-Приморье» Алексей Никитин. Запись, говорит адвокат Светлана Тихонова, 24 января 2018 года сделал ее подзащитный Семен Иванов.

Иванов в то время второй месяц проходил срочную службу в войсковой части № 69262 на Камчатке и попал в госпиталь — туда к нему и пришел мужчина, чьей фамилии Иванов не запомнил, только имя: Андрей Юрьевич. Возможно[1], это был оперативник уголовного розыска из Приморья Андрей Кропотов.

Оперативник велел Иванову собираться и следовать за ним. Солдата привезли в неизвестное ему здание — вероятно[2], это было управление МВД по Камчатскому краю. Там он начал допрашивать срочника вместе с еще одним силовиком, имени которого Иванов тоже не знает. Скорее всего-[3], это был сотрудник управления уголовного розыска МВД по Камчатскому краю Корнюшкин. Найти образцы голосов Корнюшкина и Кропотова и проверить, что именно они участвовали в нижеприведенном разговоре, «Медиазоне» не

удалось, поэтому в расшифровке аудиозаписи оперативники обозначены как Первый сотрудник и Второй сотрудник.

— Присаживайся, Иванов Семен Геннадьевич, — говорит Первый сотрудник. — Ну что, ты хорошо подумал? Я тебя последний раз нормально спрашиваю.

— Что мне думать, начальник, я не буду подписывать то, чего не делал. Я уже все сказал, — отвечает Иванов.

Раздается телефонный звонок.

— Сейчас я выйду, поговорю, давай, — замечает Второй сотрудник.

— Мне ***** [похер], делал ты это, не делал, — продолжает Первый. — Есть тело — есть дело, ты все равно эти бумаги подпишешь. Вопрос только времени.

— Начальник, да как так? Да мне вообще все равно, по сути, я вам уже все сказал. Ничего подписывать не буду, то, что я не делал.

— Ну вот ты сам подумай, смотри: там внизу сидит следак очень злой[4], просто всех подняли, дернули по твоей деляне, понимаешь? Выдернули с разных мест вообще. Сидит следак злой. Если ты сейчас эти бумаги не подпишешь, он тебе со 109-й на 105-ю[5] пункт 2 переквалифицирует, а это, сам знаешь, срок от 15 до ПЖ, тебе оно надо? Пиши лучше это в бумаге. Будет лучше.

— Начальник, ну а если я этого не делал, как ты меня понять не можешь?

— Да ты че, сука, не понял?

Слышен звук удара.

— Начальник, да че за беспредел вообще?!

В помещение возвращается Второй сотрудник:

— Во-о, я тут смотрю, вы уже разговаривать начали, да?

— А че он на 51-ой катит, вообще подписывать не хочет, — отвечает его коллега.

— Ну что, родной, помочь тебе? — обращается к солдату Второй сотрудник.

— Что вы делаете? А, что вы делаете?

Иванов кашляет.

— Че ты, будешь подписывать? Нет?

— Начальник...

— Нормально же разговаривали, — сетует Первый.

— Начальник, да успокойтесь. Я же этого не делал!

Снова слышны звуки борьбы.

— Ну как не делал?

— Да в смысле, начальник, да я не делал этого, че мне подписывать то, что я не делал?

— Как так? Ну, а подписывать будем?

— Не буду!

— Мне ***** [похер], делал ты это, не делал, я тебе еще раз повторяю: ты все равно ***** [блин] подписывай эти бумаги, понял!

Звуки ударов и кашля.

— Вон у него кровь потекла, смотри, — замечает Второй сотрудник.

— Во, давай ему подправим.

— Давай, конечно.

— Начальник, че ты делаешь? Че за беспредел? — возмущается Иванов.

— Ну так че, — предлагает Второй, — может быть, в душик умываться с ершиком пойдем?

— Какой душик умываться?

— Ну, у тебя кровь пошла, я смотрю, — отвечает Первый сотрудник, — мне тебя жалко становится.

— Я не пойду ни в какой душик, начальник.

— А ершик-то не мылся недельку где-то уже, ух! — говорит Второй.

— Как раз толчки почистили, сейчас зубы твои почистим, — вторит ему Первый.

— Ты че, начальник, вообще, что ли, что вы делаете?!

— Ты что, *** [блин], невменяемый? — удивляется Второй.

Звук удара.

— Подписывать будешь? — повторяет Первый.

— Я не буду ничего подписывать, начальник, не делал этого, — настаивает Иванов.

— Потащили его в душ, — командует Первый сотрудник и что-то тихо добавляет. Второй сотрудник так же неразборчиво ему отвечает.

— Не пойду я никуда!

На этом четырехминутная запись обрывается.

Как рассказывает адвокат Светлана Тихонова, это лишь небольшой фрагмент разговора. Ее подзащитный Семен Иванов записал его примерно в середине опроса: он попросил оперативников отвести его в туалет и там включил диктофон на телефоне. Силовики, считает защитница, не догадывались, что у Иванова может быть с собой мобильный — один телефон они у солдата сразу забрали, а второй, вероятно, не нащупали под толстым армейским тулупом.

Правда, диктофон проработал недолго. По словам Тихоновой, когда Иванова начали бить, телефон выключился, сохранив только короткий фрагмент аудиозаписи. Уже после допроса, продолжает адвокат, силовики «утратили бдительность» и оставили ее подзащитного одного. Воспользовавшись моментом, Иванов переслал запись другу, а тот — матери срочника.

Версия обвинения

Семен Иванов уже два года находится в СИЗО по обвинению в причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем смерть (часть 4 статьи 111 УК). Как сказано в обвинительном заключении, 14 сентября 2017 года, когда Иванов был у себя дома в поселке Подъяпольское, у него возникли «личные неприязненные отношения» к полуторагодовалому Косте — сыну его девушки Ирины Логашенко. Мальчик «капризничал и расплакался», мешая Иванову «заниматься своими личными делами и спать».

Из-за этого, считает следствие, Иванов семь раз ударил ребенка пультом от телевизора по голове и два ладонью — через три дня Костя умер в больнице «в результате тупой закрытой черепно-мозговой травмы, сопровождающейся кровоизлияниями под оболочки мозга, осложнившейся отеком мозга и дислокацией ствола мозга».

После разговора с оперативниками 24 января — именно его фрагмент оказался на диктофонной записи — Иванов согласился с этой версией и признал вину в смерти ребенка. 26 января 2018 года его

отправил под стражу Петропавловско-Камчатский городской суд. Иванова перевезли в приморское СИЗО-2 в Уссурийске, откуда он через месяц написал жалобу в прокуратуру, в которой рассказал, что дал признательные показания после избиения.

Версия Иванова

«Мы приехали в какое-то здание, там мы проследовали в кабинет, в котором находился еще один сотрудник <...>. Андрей Юрьевич сказал, чтобы я рассказывал. Я спросил: "Что?". На что он мне сказал: "Не придуривайся, говори за 14 сентября"», — так Иванов вспоминает в своей жалобе начало допроса 24 января.

По его словам, накануне этот сотрудник уже приходил к нему в госпиталь и показывал удостоверение — Иванов не запомнил фамилии, только имя и отчество. 24 января он пришел снова: «Андрей Юрьевич приказал одеться и проехать с ним. На мои вопросы, куда меня везут, для чего, он отвечал: "Скоро узнаешь"».

По словам срочника, из госпиталя его привезли в здание, где был «еще один сотрудник» — обоим он сразу сказал, что 14 сентября 2017 года вместе со своей девушкой Ириной и двумя ее детьми ездил по магазинам. Вернувшись домой, мать погуляла с младшим сыном Костей, уложила его спать, а затем уснули и молодые люди. По словам Иванова, утром Ирина попыталась разбудить Костю, чтобы сходить с ним в больницу, но мальчик не просыпался. Скорая помощь доставила его в реанимацию.

«На это Андрей Юрьевич со своим напарником стали меня оскорблять и говорить, что я вру, что я убийца, что меня и мою гражданскую супругу посадят по 105-й статье Уголовного кодекса. Унижали меня, называя меня немужчиной. [Говорили], что я как мужик не могу вину взять на себя, предлагали различные варианты и говорили: "А может, он его кружкой? Или об стену швырнул?"» — пишет Иванов в своей жалобе в прокуратуру. Он добавляет, что в итоге силовики пришли к версии, которая затем и легла в основу обвинительного заключения.

Примерно в этот момент, рассказывает адвокат Светлана Тихонова, Иванов попросил отвести его в туалет, где и включил диктофон и записал фрагмент разговора с силовиками.

«Я не соглашался [признавать их версию], на что меня дальше оскорбляли и оскорбляли моих родителей уродами, меня таким же [называли] уродом, скотом и т.д. Говорили о том, что если я не заговорю, то они посадят Ирину, а у нее старший сын пятилетнего возраста, и я чисто как мужчина не мог этого допустить», — пишет обвиняемый.

Из-за этого, рассказывает Иванов, он и согласился принять версию силовиков, после чего его повели к следователю Андрею Филиппову — он приехал на Камчатку из следственного отдела СК по городу Большой Камень Приморского края. В 2018 году на сайте СК Филиппов числился его руководителем.

По словам Иванова, оставшись наедине со следователем, он признался, что оговорил себя под давлением. Выслушал срочника, следователь позвал

сотрудника по имени Андрей Юрьевич, который увел Иванова с собой.

«В этот раз они говорили, что я тварь и не отвечаю за свои слова. Говорили: "А может, ты <...> изнасиловал ребенка, а потом убил?". Тыкали мне в лицо телефоном, в котором была фотография со вскрытием ребенка. Били меня и говорили о том, что это я, хотя я и так не стоял на ногах», — пишет Иванов.

Обвиняемый рассказывает, что после его завели в комнату, где избили уже люди в масках: «Они избивали меня по ребрам, ногам, рукам и били в грудь, поднимали за наручники, всячески унижали и оскорбляли. Потом увели опять в кабинет и посадили на стул, так как стоять я не мог. Андрей Юрьевич говорил, что если я все не подпишу, то он позвонит в Большой Камень, мой дом сожгут, а в родителей все будут тыкать пальцем и говорить, что у них сын маньяк, убийца и т.д. Я больше не мог терпеть».

Таким образом, подчеркивает Семен Иванов, в итоге он все же согласился подписать признательные показания.

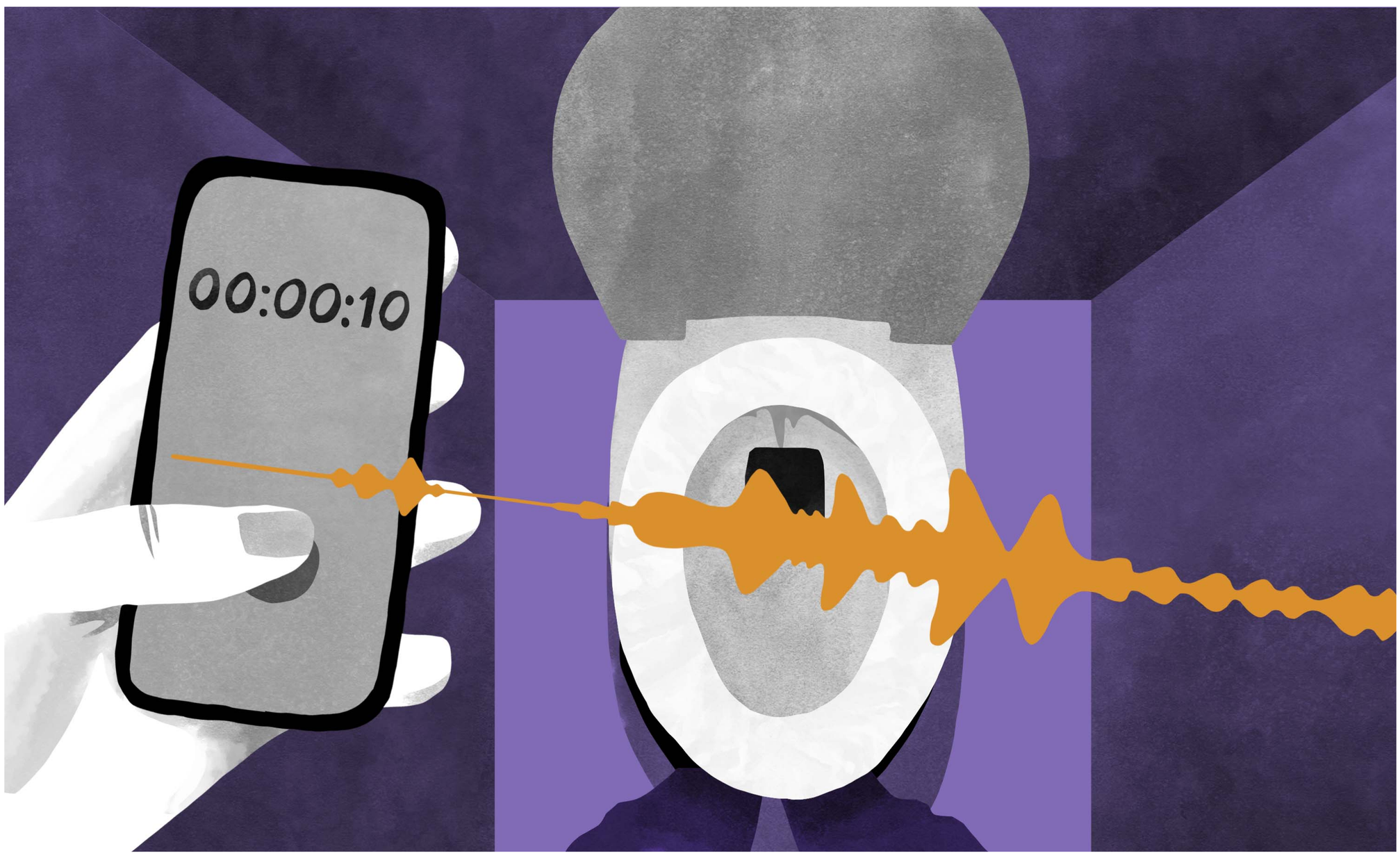

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Суд

Дело Семена Иванова с августа 2018 года рассматривает Шкотовский районный суд Приморского края. По словам адвоката Светланы Тихоновой, основное доказательство обвинения — признательные показания подсудимого. В суд, говорит защитница, приходила и девушка ее подзащитного Ирина Логашенко, которая рассказала, что ее сын Костя часто падал, на его теле постоянно появлялись синяки и гематомы, которые долго не проходили — об этом она говорила и на допросе у следователя.

Семен Иванов также проходит обвиняемым еще по одному делу — о дезорганизации деятельности ИВС (часть 2 статьи 321 УК). По словам адвоката Светланы Тихоновой, когда Иванова после задержания привезли в ИВС Петропавловска-Камчатского, там «блатные устроили дебош».

> «Привлекли [к ответственности] всех, кто был в камере — за сопротивление сотрудникам. Хотя именно к нему претензий у сотрудников ИВС никаких нет. Они же понимают, что зачинщиками были блатные. Но Следственный комитет посчитал, что виновны все, кто был в камере», — говорит защитница.

По словам Логашенко, 14 сентября 2017 года — в день, когда, по версии обвинения, Иванов избил ребенка — она постоянно находилась рядом с сыном, мальчик хорошо себя вел и ни на что не жаловался. Утром следующего дня мать начала будить сына, чтобы отвести его к врачу, так как недавно он сломал ключицу.

Но Костя не просыпался: «Мне показалось, что он не дышал. Я испугалась, взяла ребенка на руки, позвала Иванова, слегка обрызгала Костю водой, после попыталась ему сделать искусственное дыхание. После этого Костя начал дышать».

В итоге ребенка на машине скорой помощи доставили в реанимационное отделение больницы № 98 в Большом Камне. К вечеру врачи сообщили Ирине, что сын находился в коме. Через три дня он умер, так и не придя в сознание.

Уже на следующий день Следственный комитет возбудил уголовное дело о причинении смерти по неосторожности[6]. Подозреваемых по нему не было четыре месяца — до тех пор, пока силовики не задержали Иванова, которому в итоге предъявили более жесткое обвинение[7].

Врач, к которому доставили в тот день Костю, тоже пришел в суд, рассказывает адвокат Тихонова, не уточняя его имени; он сказал, что когда к нему доставили ребенка, пробы его спинной жидкости (ликворы) были светлые. «Это означает, что к моменту, когда ребенка доставили в больницу, травма была [получена], скорее всего, за неделю, а то и за две до момента попадания в больницу», — объясняет Тихонова.

По версии же следствия, Иванов нанес ребенку смертельные удары за день до того, как его доставили в реанимацию. Из-за этих обстоятельств суд назначил дополнительную судебно-медицинскую экспертизу, результаты которой не получены до сих пор.

«Средств звукозаписи не было и быть не могло»

Аудиозапись, которую адвокат Тихонова получила от матери Иванова, защитница продемонстрировала в суде и на ее основании попросила признать признательные показания подсудимого недопустимым доказательством. Суд ходатайство отклонил.

Тихонова также обратилась в Следственный комитет в Петропавловске-Камчатском, попросив провести проверку, установить личности силовиков, которые допрашивали Иванова, и возбудить против них уголовное дело о превышении полномочий. СК проверку провел, но не нашел нарушений закона.

Как говорится в постановлении об отказе в возбуждении дела, проводя проверку по жалобе,

СК решил опросить двух силовиков: оперативника управления уголовного розыска по Камчатскому краю Корнюшкина А. В. и Кропотова А.Ю.[8] — очевидно, речь идет о заместителе начальника отдела полиции «Большекаменский» управления МВД по Приморскому краю Андрее Кропотове.

Корнюшкин рассказал, что в январе 2018-го на Камчатку прилетели в командировку сотрудники уголовного розыска из Приморского края. В один из дней в его служебный кабинет №337 в управлении уголовного розыска по Камчатскому краю доставили Семена Иванова. При входе в здание полицейские досмотрели Иванова, не нашли у него никаких запрещенных предметов, «также отсутствовали какие-либо видео- и аудиозаписывающие устройства, в том числе средства мобильной связи».

Вскоре тот добровольно дал признательные показания, говорил Корнюшкин, добавляя, что «в отношении Иванова физического и морального давления не оказывалось, беседа проходила в спокойной обстановке».

Полицейский Кропотов признал, что прилетел в последних числах января в командировку на Камчатку и тоже был в кабинете №337, куда доставили Иванова. Он, судя по документу, дословно повторил слова Корнюшина о досмотре и «спокойной обстановке», добавив, что прослушал запись, предоставленную адвокатом Тихоновой.

«Голоса на данной записи ему неизвестны, — говорится в отказном постановлении, — его голоса

там нет, более того, Иванов никаким образом не мог осуществить запись, так как средств звукозаписи при Иванове не было и быть не могло».

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Такой вывод можно сделать из материалов проверки, которую Следственный комитет позже проводил по заявлению Семена Иванова. Следователь опросил оперативника приморского МВД Кропатова А.Ю., который признал, что был в командировке на Камчатке и опрашивал Семенова. На сайте МВД указано, что Андрей Юрьевич Кропотов занимает пост замначальника полиции (по оперативной работе) межмуниципального отдела МВД России «Большекаменский».
2. Оперативник камчатского управления МВД Корнюшкин, которого следователь опрашивал по жалобе Иванова, упоминал, что беседа с солдатом проходила в его служебном кабинете. УМВД по Камчатскому краю находился в здании 126 на Ленинградской улице в Петропавловске-Камчатском.
3. А.В. Корнюшкин был вторым человеком, которого опрашивал Следственный комитет по жалобе Иванова. Корнюшкин указывал, что беседа с солдатом проходила в его служебном кабинете.
4. Вероятно, сотрудник следственного отдела СК по городу Большой Камень Приморского края Андрей Филиппов — он вел дело Семена Иванова и тоже приехал в командировку на Камчатку.
5. Статья 109 УК — причинение смерти по неосторожности. Статья 105 УК — убийство.
6. Часть 1 статьи 109 УК, до двух лет лишения свободы.
7. Часть 4 статьи 111 УК (умышленное причинение тяжкого вреда, повлекшее за собой смерть потерпевшего) — до пятнадцати лет колонии.
8. В документе фамилия написана как Кропатов — вероятно, по ошибке. Так же по ошибке, вероятно, фамилия следователя Филиппова там написано с одной «п».